

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В ДАРОВОЕ И ОКРЕСТНОСТИ (2006 — 2009 гг.)

Фольклорная экспедиция проходит под моим руководством уже 4-ый полевой сезон. За это время удалось обследовать не только само село Даровое, но и Моногарово, Черемошню, Назарьево, Хлопово, Истомино, Комово, Журавну, Фёдоровку.

В некоторых из этих сёл мы работали несколько раз, посещая наиболее выдающихся рассказчиков из года в год, исследуя их репертуар и вариативность текстов. В других успели только начать работу, оставив продолжение на новые периоды.

Было бы очень затруднительно рассказать обо всех наблюдениях, обо всех рассказчиках и обо всех находках. Поэтому я остановлюсь на самых общих посылах, каждая из которых могла бы быть развернута в отдельный и весьма продолжительный доклад.

По своему этнологическому типу и говор Дарового, и типы крестьянских построек, безусловно, тяготеют к южно-русским, хотя встречаются и откровенно северно-русские образцы. Так чаще всего перед нами дома, которые прежде были накрыты соломенными крышами (фотографии найдены). Жильё и скотный двор находятся в отдельно стоящих помещениях, не соединённых друг с другом. Северная или северо-восточная стена, как полагают жители, «для тепла» обмазана глиной поверх дранки. Такая обмазка часто встречается в деревнях южной России, особенно Слобжанщины, где она является репликой на украинскую технологию построения крестьянских подворий. Однако застекленные веранды, несимметричные формы жилища не характерны ни для украинских, ни для

южнорусских построек. Замечено тяготение к посадке возле дома наряду с елью липы, между тем как в Подмоскowie предпочтению чаще отдаётся березе.

По своему фонетическому строю говор Дарового и окрестных сел слабо-якающий и икающий, с фрикативным «г», что роднит его с южнорусскими говорами. Названия предметов крестьянского быта одинаковы с рязанскими диалектами, а также большой группой южно-русских диалектов.

При записи фольклорных материалов мы старались выяснить прежде всего основные праздники, которые отмечались в том или ином селе, а также круг обрядов, действий и текстов, сопровождавших их.

Основными оказались престольные праздники. Причем даже неверующие уверенно произносили их названия, в том числе и в тех случаях, когда не могли объяснить событий, в честь которых этот праздник установлен.

Рождественский цикл праздников характеризуется колядованием в прошлом и новейшем времени. Гаданием о женихе — на протяжении всего периода, который запомнили информанты, в том числе со слов своих бабушек и дедушек. Вертепные действия оказались повсеместно неизвестными. Тексты колядок передаются, хотя и неуверенно. Чаще всего называются лишь отдельные строчки из колядок. Записать исполнение колядки не удалось.

Весенние праздники группируются вокруг Пасхи. В это время молодёжь гуляла в лесах или рощах, где устанавливали качели для девушек. Обряд качания на качелях традиционен и не раз описан в литературе

и изображен художниками прошлых веков. На сидении, подвешенном между деревьями (обычно берёзами или липами), садилась девушка, а юноши раскачивали её за привязанную к сиденью веревку. Известны случаи совместного катания на качелях парня и девушки. Впрочем, они относятся к 20 – 30 годам 20 века. Интересно, что жительницы Черемошни замечают, что они ходили в усадебный парк Достоевских (судя по всему в аллею, ведущую к нему), где и устраивали игры.

Катание яиц на Красную горку в Даровом превратилось в хождение в рощу, где девушки готовили яичницу. Как известно, подобный обычай в других местах относится к числу троицких. В самом деле, о нем рассказывали нам только в Даровом, в других поселениях его четко относят к числу троицких. Например, в Назарьеве девушки на Троицу ходили в сиреневую рощу, в Федоровке или Истоминке собирались на специально отведенном для этого месте, где устраивалась и ярмарка. Несмотря на то, что исконно троицкие обряды чисто девичьи, в советский период стало допустимым участие в них юношей и даже женатых мужчин. Может быть, поэтому самый таинственный обряд похорон кукушки неизвестен, но сохранились обычаи «водить березку» или «водить липку».

Выявить какие-либо черты осенних обычаев не удалось. Они сочетаются в сознании одних с церковным праздником Воздвижения Креста Господня (27 сентября), когда всё начинает «сдвигаться»: урожай с полей сдвигается, птицы на юг сдвигаются и т. д. В сознании же других дни окончания сельскохозяйственных работ сочетаются с Октябрьскими праздниками.

Выявить специфические фольклорные памятники, связанные с обрядами, оказалось невозможным. Все информанты говорят, что на их памяти такого деления не

существовало. Одни и те же песни могли исполняться во время застолий по поводу любого праздника, в том числе и советского. Среди этих песен в репертуаре современных жителей обследованных сёл отмечаются «Шумел камыш», «Хаз-Булат удалой», «За грибами в лес девицы»... Все услышанные нами песни имеют в основе балладный сюжет, нередко сложены в силлабо-тонической системе, с четко прослушиваемыми рифмами на конце строк. Нередко тексты восходят к литературным источникам. Особенно интересны городские баллады периода Великой Отечественной войны, повествующие об измене жены воину-мужу. В этом случае отцу помогает его дочь. Интересно, что характерная для баллады развязка в виде убийства изменницы-жены то ли и в самом деле неизвестна певицам, то ли сознательно купируется ими.

Вероятно, в силу близости сюжетов, среди исполненных нам баллад оказалась и тюремная с известным сюжетом — молодой человек страдает от своей злодейки-судьбы и воспринимает расстрел как единственное благо, которого он ждёт.

Среди семейных обрядов наиболее чётко удерживается в памяти и живом бытовании свадьба. Она традиционна по композиции и репертуару, состоит из двух, реже — трёх частей. Первый день празднуют в доме жениха, выкупается «место», продаётся девичья красота (её символизирует платок или берёзка). Все информанты отмечают, что жених и невеста должны ехать на лошадях, украшенных лентами и «колкольцами». Число лошадей (одна или пара) зависело сначала от достатка семьи, а после коллективизации от достатка колхоза. Однако все отмечают, что на тройках не ездили никогда. В первый же день гостей и участников свадьбы «обыгрывают», то есть величают или корят.

Из наиболее старых свадебных песен следует отметить, записанные в деревне Хлопово «Бочоночек по погребу катается» и величальные песни, которые помнятся лишь в очень незначительных фрагментах, кроме величальной песни для маленькой девочки «Миленький мой цветок». Эту последнюю информант М. В. Воробьева исполнила полностью, причем запись была повторена и на следующий год.

Второй день свадьбы отмечен приходом к молодым ряженных, чтобы «искать ярку». Установились четыре постоянных персонажа этого действия: хозяйка (или бригадир), старый пастух (всегда изображается женщиной), милиционер и врач. Хозяйка, мать невесты, заявляет о пропаже «ярки». Пастух оправдывается тем, что очень стар и не уследил. Милиционер находит «ярку» в доме жениха. А врач осматривает её, обнаруживая нанесённый ей ночью изъяз. За что милиционер и требует от родителей жениха компенсации. Но так как родители жениха кормили невесту, то и семья невесты оказывается должна бутылку водки семье жениха. В результате водка распивается обоими семьями вместе, а молодые отправляются в дом невесты. Здесь их встречают неприличными частушками. О существовании специальных охальных песен некоторым информантам известно, но тексты уже забылись. Они вытеснены частушками неприличного содержания, которые могут слушать только семейные люди. Таким образом, исполнение таких произведений означает переход жениха и невесты в категорию взрослых.

Тему родильных обрядов ещё надлежит разработать. Судя по некоторым обмолвкам информантов, они существуют.

Серия колыбельных песен свидетельствует о том, что в прошлом и этот вид фольклора был хорошо известен, хотя сей-

час он сильно редуцирован до двух-трёх текстов.

Погребальные обряды почти не имеют вербального выражения. Плачи почти не исполняются. Остаются только чтения псалмов, раздаривание платков или полотенцев гостям.

Особо отметим то, что удалось выявить несколько культурных страт, которые также следует изучить. С начала 20 века начинается переселение людей из деревни в город, с окраин в центр. Так уже в 1913 году в селе Хлопове оказалась большая группа переселенцев из Западной Украины. Их потомки до сих пор осознают друг друга и осознаются потомками местных жителей как «хохлы». Интересно, что в семьях «хохлов» наиболее полно помнят местную фольклорную традицию. Как говорила М. В. Воробьева, ей это интересно, потому что она может сравнить манеру исполнения дома и здесь, родителей и местных. Свободно говоря по-русски и по-украински, потомки переселенцев не путают языки, не создают «суржик», как это можно было бы предположить. Интересно, что в украинской речи потомков переселенцев отсутствует «г» фрикативное. По-мнению украинской исследовательницы Ю. В. Патлань, которая консультировала нас, это явление связано с тем, что они потомки западных украинцев и отражают львовскую диалектную фонетику.

В связи с гражданской войной, коллективизацией, строительством новых заводов, Великой Отечественной войной по изучаемым землям прокатились новые волны переселенцев. Это прежде всего южно-русские: пензенские, рязанские, калужские жители. В их домах находятся предметы быта, вывезенные с исторической родины, кроме того, они также неплохо владеют местной традицией. Некоторая доля

приходится на сибиряков, но они мало знакомы с традиционным для Зарайского края фольклором. Можно предположить, что это произошло в силу их позднего переезда, когда местные черты были отчасти утрачены, а отчасти не воспринимались как культурные ценности.

Последнее подтверждается и рассказом старой женщины, которая переехала в Журавну из Зарайска. Она ничего не захотела рассказать про фольклор, напомнив нам, что ей это глубоко чуждо, ибо она сама образованная и не приучена слушать деревенские рассказы. И это при том, что на самом деле она помнит топонимические легенды, хорошо разбирается в приходских праздниках, знает свадебные обряды.

Интересно, что подпитка краеведческих знаний у молодёжи происходит не со слов старших, а из книг, СМИ, лекций преподавателей в институте. В этом мы убеди-

лись, побеседовав с 20-летней коломчанкой, родом из Черемошни. Зная, что говорила её бабушка, она не считает бабушкины рассказы ценными, а передаёт известное ей из официальных источников. В силу их малочисленности уверяет, что ей ничего не известно. Однако стоит подсказать ей: «а что бабушка говорила?», как она начинает рассказ, соответствующий черемшинской традиции.

Дальнейшая работа, бесспорно, должна идти как по линии дальнейшего сбора фольклорных текстов, так и по линии более тщательной разработки различных культурных страт. Было бы интересно проследить, что с ними происходит дальше. Когда и в каком поколении «своя» и «заимствованная» культуры перестают восприниматься таковыми и начинают прочитываться исключительно как явления одной народной традиции.